

Драконий камень 3 до 3.Э.

Эйгон

Он был удивлен, когда Эймон преклонил перед ним колени и принес ему свой меч и дракона, удивленный и несколько восхищенный, поскольку это устранило одно из сомнений, которые он и Рейнис разделяли. Хотя они обнаружили, что считают, что намерение Эймона было хорошим, во что Висеня верил даже больше, чем они, время его прибытия и то, что он представлял, вызвало вопросы.

Если бы он был здесь, чтобы использовать их каким-то образом, чтобы воспользоваться любыми чувствами, которые его заявленное родство привило им, или просто разыграть их ложными, он создал бы для них проблему. Само его существование создало для них проблему, если они не могли быть уверены, что он так же верен, как и утверждал. Висеня был захвачен им, его историей, самим человеком и тем, что он мог бы значить для них в отношении того, что у него есть не просто еще один Драконий Всадник, а тот, кто был таким же опытным, как и сам Эйгон. Эйгон начал верить, что между его сестрой-женой и Эмоном тоже было притяжение, конечно, со стороны Висеня.

Именно поэтому он сел с ней и Рейнисом и приготовился сообщить им о своем решении в отношении Эймона Таргариена, что и стало причиной самого этого решения. Несмотря на то, что он не хотел отдавать Драконьего всадника любому дому, который не был их собственным, он знал, что Аргиллак с большей готовностью примет Эмона, чем Ориса, и он может затем использовать Ориса, чтобы привлечь другое королевство на их сторону. Он мог присоединиться к нему с другой королевой или принцессой, и поэтому он взял ласточку из бокала вина, посмотрел на обе жены своей сестры и приготовился говорить.

«Я намерен предложить Аргиллак, руку Эймона в браке», — сказал он на улыбку Рейниса и гневный ответ Висеня.

«Вы не можете».

«Он встал на колени перед Эйгоном, сестрой, пообещал ему свой меч и дракона, я думаю, что он может и должен». Рейнис сказала, что слегка раздражена на свою старшую сестру.

«Он не примет». — сказала Висеня, игнорируя слова Рейниса.

«Конечно, он будет, он ищет Драконьего Всадника больше, чем когда-либо Орис. Мы оба знаем ответ, который он, скорее всего, сделает, если я предложу ему руку Ориса». Эйгон сказал, что неправильно истолковал слова Висеня.

«Эймон не примет». Твердо сказал Висеня.

«Он так скоро нарушит свою клятву?» Рейнис сказал, что ужаснулся, когда Эйгон смотрел от одной сестры-жены к другой.

«Эймон не примет». Сердито сказал Висеня.

Он обнаружил, что его глаза смотрят на собственную Висеню, ее выражение лица было таким, которое он с трудом читал, и он не мог быть уверен, что это было фактическое или желаемое за действительное заявление, которое она делала. Это беспокоило его гораздо больше, чем он ожидал, думая, что это может быть желаемое за действительное, и снова он позволил этому быть тем, что повлияло на его слова.

«Тогда мы будем знать, что ему нельзя доверять», — сказал он, и Висеня встала на ноги, ее гнев стал еще более ясным.

«Ты дурак, Эйгон. Он все еще скорбит о потере жены и детей, о том, что мужчина не женится на другой, и ни вы, ни я, ни сами драконы не могут заставить его это сделать. Осмелиться приказать ему — значит обхаживать катастрофу и рисковать сделать врагом человека, с которым вы только что вступили в союз. Подумайте хорошенько, прежде чем сделать это предложение, и знайте, что вы делаете это без моей поддержки, и если меня об этом попросят, если Эймон обратится за моим советом, я скажу ему, чтобы он отказался». — сказала Висеня перед тем, как выйти из комнаты.

В ту ночь он лежал с Рейнисом, и хотя они приносили друг другу удовольствие, впервые он мог вспомнить, что это была Висеня, о которой он думал. Он не был по своей природе ревнивым человеком, но видеть, как она действует так страстно, и он или их Дом не являются причиной этой страсти, беспокоило его. Даже голоса в его голове, который говорил, что Эймон тоже является частью их Дома и что она заступает за родственников, как она всегда так громко делала, было недостаточно, чтобы снять его ревность.

Это не помогло, когда он встал на следующее утро, чтобы найти Висеню и Эймона, спаррингующих во дворе. Видеть улыбку на лице его сестры-жены, которую он не положил туда, несколько разозлило его. Наблюдать, как они так плавно двигаются, вызывало у него зависть. Поэтому, как только они закончили, и они присоединились к нему, Рейнису и Орису в нарушении их поста, Эйгон громко рассказал о своих планах и обнаружил, что Висеня была более чем права в своих словах.

"НЕТ!." — громко сказал Эймон.

«Вы бы отказались от команды от человека, которого вы называете своим королем?» — спросил он.

«Эта команда, да, я бы. Я не выйду замуж за союз, ни за тебя, ни за кого-либо. Мало того, что глупо отдавать драконов тем, кто не является нашей кровью, но мои собственные чувства также не позволят мне назвать другую свою жену. Моя жена умерла, и я до сих пор оплакиваю ее, так что нет, я не буду жениться, разберитесь с этим так, как вы должны». Эймон сказал, когда он вышел из-за стола, и Эйгон поклялся, что увидел улыбку Висеньи, когда она повернулась и последовала за ним.

Орис сидел молча, как и Рейнис, в то время как Эйгон пытался решить, что делать дальше. Он посмотрел на своего брата по выбору, который, казалось, почти почувствовал облегчение, и он знал, что совершил ошибку, не поговорив с Орисом первым. Ошибку, которую он теперь собирался исправить.

«Прости меня, брат, — сказал он, подходя и положив руку на плечо Ориса, — я должен был поговорить с тобой, прежде чем поднять этот вопрос».

«Нет ничего, что можно простить, Эйгон, Штормовые земли были всего лишь одним планом, без сомнения, вы имели в виду другой для меня».

«Я бы увидел, как вы присоединились к кому-то менее против этого, чем Argillac, обещания, которые я дал вам, были бы теми, которые я выполнил каким-то другим образом», — сказал он, и Орис кивнул: «Теперь, похоже, это будет так, как мы изначально намеревались, и поэтому я увижу, что письмо отправлено сегодня».

— А он? Орис сказал, глядя через плечо на дверь, из которой вышли Аэмон и Висеня.

«Я не знаю. Висеня говорила правду, и я чувствую себя глупо, потому что не слушаю ее слов. Мужчина, который любит свою любовь, — это не тот человек, который легко заменяет ее», — сказал он, глядя на Рейниса, который поймал ее.

«Я не уверен в нем, Эйгон, я не буду лгать. Он дает мне много пауз, и все же я верю, что он также в некоторой степени верен. Это раздражает меня, потому что я думаю, что я должен больше не доверять ему».

«Как и я», — сказал он, — «Как и я».

Эмону и Висене потребовалось некоторое время, чтобы вернуться, и ни он, ни они не знали, какие слова должны быть сказаны, и поэтому они стояли в тишине в течение некоторого времени.

«Есть что-то, что мне нужно, чтобы вы все увидели». Через некоторое время Эймон сказал: «Я бы попросил тебя последовать за мной».

Он посмотрел на Рейниса и Ориса и попросил их присоединиться к нему, чтобы они последовали за Эмоном и Висеней из комнаты. Они вышли через большие открытые двери и спустились к ступеням, которые вели на пляж, и к тому времени, когда они достигли самого пляжа, он был не одинок в тяжелом дыхании. Когда они шли по пескам, любопытство Рейниса взяло верх над ней, и она спросила, куда они идут и что он хочет, чтобы они увидели.

«Правда, правда о том, с чем я столкнулся и чего стоило мне всего, что мне дорого». Эмон сказал грустно, и больше никаких слов не было произнесено, пока они не достигли пещер.

Он посмотрел, как Эймон схватил факел и зажег его, он и Висеня оба посмотрели друг на друга и покачали головами, так как ни один из них не был тем, кто оставил его там, а это означало, что это сделал сам Аэмон. Это было неожиданностью для них обоих, так как за ним хорошо следили с тех пор, как он прибыл сюда, и их охранники не упомянули об этом.

«Я хорошо привык убегать от тех, кто наблюдает за моими движениями, твоей благодатью. Не вините своих охранников в их неудаче, потому что они не будут соответствовать моему учителю в этом отношении». — сказал Эймон с мягкой улыбкой на лице.

Вход в пещеры не был чем-то, что они делали в последнее время. В детстве они несколько прятали и исследовали их, но никто из них никогда не любил их по-настоящему и, конечно, никогда не углублялся так глубоко, как сейчас. Эмон, как и в случае с самим хранилищем, казалось, безошибочно шел туда, куда он их вел. Он сделал путь похожим на тот, который он прошел много раз раньше, и когда свет от факела засиял на черных стенах, он начал говорить.

"Драконье стекло. Обсидиан». Эмон сказал: «Для большинства в Вестеросе это бесполезная вещь, и все же, хотя Ланнистеры имеют свое золото в своих собственных шахтах, ничто не было более ценным для нас в мое время. Будь то боги, которые решили, что это должен быть наш Дом и Дом Волка, объединенные вместе, чтобы возглавить борьбу, или это было просто то, что противоположностью Льда является Огонь, я не знаю. Драконье стекло, Драконья сталь и Драконий огонь, хотя и были величайшим оружием, которое у нас было против армии, с которой мы столкнулись».

«Как это может быть оружием?» Орис сказал, что взял разбитый кусок черного стекла и разбил его, чтобы он разбился надвое.

«Валирийская сталь - это огнеупорная сталь. Драконы - это Огненная Плоть, а Драконье Стекло - это Камень, сделанный Огнем, Лорд Орис. Сила не в самом материале, а в том, что его создало, в этом камне есть магия, и магия — это все, что можно использовать для борьбы с магическими вещами». Эймон сказал, когда он остановился, и Эйгон и другие посмотрели на изображения, болезненные на стенах.

Были маленькие фигуры, которые выглядели как дети, большие, которые выглядели как мужчины, фигуры с белыми линиями, которые боролись против них, и одна большая фигура, носящая корону и чьи глаза были окрашены в синий цвет. Эйгон подошел к стене и прикоснулся рукой к рисункам, наполовину ожидая, что они будут мокрыми или свежесделанными, и все же было ясно, что это не так. Сколько им на самом деле было лет, он не мог сказать, но они не были нарисованы в его, и он сомневался даже в жизни своего отца. Если бы он сделал ставку на предположение, то он бы сказал, что они были сделаны задолго до того, как дракон назвал это место своим домом.

«Король Ночи и его армия. Те, кого вы видите союзниками против него, — это Дети Леса и Первые Люди. Почти восемь тысяч лет назад была проведена битва, и хотя она не была по-настоящему побеждена, Король Ночи проиграл, и Великая Ледяная стена, которая простирается по всему Северу, была построена, чтобы защитить Царства Людей от тех, кто не был. Менее чем через триста лет стена падет и менее чем через пять лет, как и все люди, кроме одного. Я не знаю, почему меня отправили сюда, твоя милость, но это не для того, чтобы жениться или взять жену, и я сомневаюсь, что когда-нибудь увижу свою собственную снова, даже если я упаду».

— Тогда каково твое намерение, Эймон? — охотно спросила Висеня.

«Сделать все возможное, чтобы подготовить наш Дом к тому, что должно произойти. Чтобы исправить ошибки, которые должны произойти, привести в движение вещи, которые не могут потерпеть неудачу. В течение трехсот лет наш дом вел Вестерос, и за это время мы столкнулись со скрытыми врагами, а те очень не были, мы воевали между собой и делали ужасные вещи друг с другом, игнорируя угрозы, которые мы не должны. Прежде чем вдохнуть свой последний вздох, я намерен сделать так, чтобы как можно меньше этого сбылось, чтобы дать тем, кто следит за мной, шанс, которого у меня никогда не было. Тогда и только тогда я смогу отправиться в свой ад счастливым человеком». — сказал Эймон, вручая Орису факел и выходя из пещеры.

Драконий камень 3 до н.э.

Эмон.

Почему он решил показать им изображения на стене, о которых он не знал, они на самом деле не спрашивали его о будущем, о котором он им рассказал, они, казалось, не сомневались в нем, и поэтому он задавался вопросом, просто чтобы подчеркнуть, что он больше не женится. Он не ожидал, что это будет предложение, которое сделает ему Эйгон, даже не рассматривал это как вариант, и как только это было доведено до него, он отреагировал соответствующим образом.

Его жена была мертва, его дети были мертвы, никто никогда не мог занять их места, и он не искал никого, чтобы сделать это. После того, как он заговорил и показал изображения в пещерах, он провел некоторое время в одиночестве и рассмотрел вещи еще более практично. Он задавал себе еще больше вопросов, которые задавал с тех пор, как оказался здесь, а не в семи адах или раях. Вопросы, на которые у него были ответы только на некоторые из них.

Почему он был здесь?

Какова была его цель?

Какие планы были у богов, которые он не мог видеть?

Может ли что-нибудь, что он сделал здесь, на самом деле предотвратить то, что должно было произойти, или, по крайней мере, лучше подготовить их к этому?

В конце концов, это был последний, на котором он сосредоточился больше всего и больше всего думал. Он делал все возможное, чтобы подумать о родословных, будущих событиях, о том, что означает изменение одной вещи в отношении другой. Даже если бы он не был против того, чтобы когда-либо снова жениться или беспокоился о том, какое влияние может оказать его ребенок не только в это время, но и в последующие века, он все равно не был бы уверен, что он, а не Орис, был лучшим выбором для мужа Аргеллы Дуррандон. Та часть его, которая сказала, что без этой свадьбы не будет дома Баратеона, и поэтому ни один Роберт не был закрикнут другой частью его, и он не знал, почему это так.

Он смотрел на Рич и думал о королях Гарднера и о том, как их падение позволило Дому Тирелла подняться, и он боялся, что, сделав что-нибудь, чтобы вмешаться туда, он рискует тем, что этого не произойдет. Если бы они не были выдающимся домом в Риче и не были надзирателями Юга, означало бы, что матчи, которые привели к рождению Маргери, не могли произойти? Может ли он сыграть свою роль в мире, который видел, что это будет результатом? Он знал, что не может. Возможно, у него никогда не будет шанса узнать свою жену, кроме как в смерти, но не знать ее, не быть с ней, нет, это даже не было вариантом.

Эймон почувствовал опасность потеряться в этих мыслях, когда услышал голос и поднял глаза, чтобы увидеть Висенью, стоящую перед ним.

«Вам нужен шпат». Висеня сказала, что отстраняет его от своих мыслей, и Эймон улыбнулся ей и кивнул.

«Ты думаешь, что можешь победить меня на этот раз?» — спросил он с усмешкой.

«Теперь я знаю, как ты сражаешься».

«Кто сказал, что это единственный способ, которым я сражаюсь?» — спросил он, покачивая головой, и, прежде чем он понял это, они стояли лицом друг к другу с вытянутыми мечами.

Она была так же хороша, как и он, ее движения были точными и быстрыми, и ни одно движение не было потрачено впустую. Если бы это было раньше в его жизни, то она бы легко избивала его. Если бы он не сталкивался с Белыми Ходоками и не был вынужден приспособливаться к требованиям бить вещи, которые двигались со скоростью, которая была почти беспрецедентной, то он бы не раз почувствовал вкус поражения. Было время, когда он чувствовал себя недостойным клинка, который держал в руках. Для Валирийской Стали заслужил фехтовальщика, который соответствовал бы своим срокам, и долгое время он не был этим человеком. Теперь он наверняка был и с размахом ног, и движением, чтобы поймать ее, прежде чем она упала на землю, он услышал ее уступку, а затем, услышав что-то еще, он уронил ее.

Приходи, найди меня, собери.

Когда Висеня поднялась с земли и посмотрела на него, Эймон закрыл глаза и пошел искать, а

когда он нашел его, он упал на колени и закричал от чистой радости. Сколько времени прошло с тех пор, как он почувствовал такую эмоцию, он не знал, но он знал, что в последний раз он чувствовал присутствие Призрака в своем уме, и он был уверен, что это был последний раз, когда он когда-либо видел своего истинного спутника. Обнаружить, что он здесь, что каким-то образом боги послали его обратно, как у них были Рейгал и он, было больше, чем он мог когда-либо желать. Таким образом, впервые с тех пор, как он встретил свою жену, впервые держал своих детей на руках или связался с Рейгалом, Эймон снова почувствовал благосклонность бога.

"Эймон. Эймон». Висеня взволнованно крикнул, а Эмон поднялся на ноги и покачал головой.

«Мне нужно поехать на Север».

«Вы не можете. Мы не согласны с Севером, Эймон, они будут рассматривать твой приезд как акт войны». — взволнованно сказала Висеня.

«Это не имеет значения, я должен уйти, там есть что-то для меня, что-то, чего у меня не было рядом слишком долго, и что-то, чего я больше не буду ждать, чтобы сделать это».

«Мы должны говорить с Эйгоном, Эймоном мы должны». — сказал Висеня, а Эймон кивнул.

Пока они шли, он немного рассказал ей о том, что он чувствовал и что к нему взывало, Висеня смотрела на него, как будто он сошел с ума, и этот взгляд вскоре должен был разделить Эгон, Рейнис и Орис, когда он говорил с ними несколько мгновений спустя.

«Что ты имеешь в виду, ты можешь его почувствовать?» — спросил Эйгон.

«Я варг. Не такой сильный, как некоторые, и хотя я практиковал несколько на протяжении многих лет, было не так много живого, чтобы воевать. Я еще не пробовал это здесь, но с Ghost у меня нет необходимости», — сказал он растерянным взглядом.

«Варг». — спросил Орис, и когда Эймон пошел отвечать, Висеня сделал это за него.

«Кто-то, кто может смотреть глазами животного, Орис. На Севере есть рассказы о них, и некоторые мастера говорят, что они существовали, но их больше нет».

«Мастера не должны верить во все, Висеня», — сказал он кивком и любопытным взглядом Эйгона.

— Что заставляет тебя так говорить, Эймон?

«Я верю, что на протяжении большей части правления нашего Дома Цитадель работала против нас. В свое время я встретил человека, архимастера, который хорошо знал моего двоюродного деда и который с любовью отзывался о нем, и того, кто упоминался в письмах моего отца. Марвин Маг, которого он назвал за то, что у него было желание и любопытство к магии, которые не имели себе равных.

— А что из этого? — спросил Рейнис.

«Как вы думаете, кто убил всех драконов в прошлый раз? Галантные убийцы драконов, вооруженные мечами? В мире, который строит Цитадель, нет места для колдовства, пророчества или стеклянных свечей, а тем более для драконов. Спросите себя, почему Эмону Таргариену было позволено тратить свою жизнь на Стену, когда по праву он должен был быть

возведен в архимастера. Его кровь была причиной. Ему нельзя было доверять. Не больше, чем я могу. Марвин сказал мне эти слова, когда я обратился за помощью к Цитадели против Короля Ночи и его армии, это слова, в которые я верил, и со временем я узнал гораздо больше, чтобы доказать их истинность».

«То есть вы говорите, что Цитадель — наши враги?» — спросила Висеня, и взгляд на ее лице ясно показал ее чувства.

«Я говорю, что Цитадели и Вере нельзя доверять, и что, когда вы возьмете свой престол, свою благодать, с ними следует обращаться и соответствующим образом изменять».

«Расскажи мне больше об этом извращении, Эймон». — спросил Эйгон, и ему потребовалось некоторое время, чтобы объяснить это как можно лучше, слова не его, а больше Брана или Варамира.

«И это действительно Direwolf, которого вы путешествуете, чтобы найти?» Эйгон спросил, и Эймон кивнул: «Я беспокоюсь о том, что подумает Север, увидев дракона, это может не привести к войне, но может, и все же здесь тоже есть возможность. Ты говоришь, что в тебе, Эймон, есть кровь Старка, что твоя мать была дамой Дома Старков?»

«Она была».

— Эйгон? — сказал Висеня, глядя на Завоевателя.

«Если бы тебя увидели и приблизили, я бы попросил тебя держать меч и твоего дракона, Эмон, только если твоя жизнь в опасности, я ожидаю, что ты прибегнешь к насилию».

«У меня нет намерения причинить вред северянину, ваша милость».

«Очень хорошо, тогда у вас есть мой отпуск, чтобы путешествовать на север».

— Я благодарю вас. — сказал Эймон, когда он потянулся к Рейгалу и вышел из комнаты, голос Висеньи помешал ему сделать это.

«Я иду с тобой».

"Висеня!" — крикнул Рейнис.

«Я иду с ним». Висеня сказала, и прежде чем он, или Эйгон, или кто-либо еще мог отказать ей, она вышла из комнаты, чтобы подготовиться.

Взгляд, который Эйгон дал ему, был странным, тот, который Эймон не мог по-настоящему назвать, и если бы не его слова, тогда он бы попытался это сделать.

«Если кто-то осмелится угрожать...»

«Огонь и Кровь, твоя милость», — сказал он кивку головы Эйгона.

Менее чем через час они стояли рядом с драконами, и Эймон смотрел на то, как Эйгон поцеловал Висенью в щеку, и она сделала то же самое с Рейнисом. Им дали еду и более теплую одежду Висеньи, и когда он наблюдал, как она поднимается на спину Вхагара, он сделал то же самое с Рейгалом. Зеленый Дракон казался таким же взволнованным, как и он, путешествием, которое они собирались предпринять. Прошло слишком много лет с тех пор, как они пролетели в небе над Севером и посмотрели вниз на земли внизу. С тех пор, как сам Винтерфелл пал, они

не осмеливались и не желали этого делать, и теперь он обнаружил, что они оба больше ничего не желали.

Речные земли и Север 3 г. до н.э.

Висеня.

У нее не было истинного представления о том, почему она хотела путешествовать с Эймоном, кроме того, что она хотела проводить с ним больше времени. Чтобы продолжить то, что она назвала бы полетом фантазии, это был Рейнис, который делал это, это было не то, кем она была, и все же, когда они летали вместе, она обнаружила, что ей это очень нравится. Рейнис не любила ничего больше, чем быть на своем драконе и парить в небе, будь то с Эйгоном или в одиночестве, это не имело большого значения. Для Висени это стало редкостью, и обычно единственный раз, когда она и Вагар летали, это когда им действительно было чего достичь. Хотя можно было сказать, что Эймону было чего достичь в этом полете, и поэтому она, присоединившись к нему, тоже, у нее не было никаких реальных причин сопровождать его, кроме желания сделать это.

Они пролетели от Драконьего камня и над землями к западу от него, некоторые из которых она действительно не видела раньше, и поэтому, когда Рейгал опустилась ниже, она попросила Вагара сделать то же самое. Она посмотрела на Эмона и Зеленого Дракона и увидела, как они почти кружат по большому озеру под ними, взгляд сосредоточенности в его глазах, когда он сделал это, прежде чем он затем попросил Рейгала подняться выше, и Вагар присоединился к нему. Под ней она чувствовала собственную радость своего дракона во время полета, в котором они находились, и когда они пролетели над гигантской крепостью, она, наконец, поняла, где они находятся.

Харренхол был всем, что она себе представляла, рисунки, которые Эйгон заказал из него, и другие хранилища Вестероса были теми, которые она усердно изучала, и все же это не подготовило вас к тому, чтобы увидеть это по-настоящему. Это заставило ее задуматься о боевых планах, которые она затем полностью отвергла, не желая, чтобы они вторгались в мир, по которому полет был доставлен к ней. Довольно скоро она увидела реку под собой и поняла, как она раскололась, что это был Трезубец, а затем она была удивлена, когда Эймон снова заставил Рейгала сделать круг вокруг чего-то, прежде чем он посмотрел на нее и предложил ей землю.

«Еще не ночь, Эймон», — сказала она после того, как спустилась со спины Вагара и поблагодарила своего дракона за полет, трели, которые дракон сделал в ее голове, когда она это сделала.

«Это скоро произойдет, и мы здесь одни, и никого не будет на многие мили вокруг, возможно, нигде больше не будет такого пустынного на многие мили». — сказал Эймон, и она кивнула.

Она наблюдала, как он собирал дрова, чтобы разжечь огонь, а затем он двинулся к близлежащей реке и начал ловить рыбу. Висеня усмехнулась про себя и покачала головой при изображении его стоящего неподвижно с поднятым валирийским стальным мечом. Когда она увидела, как он толкнул его вниз, а затем вытащил обратно из воды с большой рыбой, пронзенной на нем, она была ошеломлена. Как и она, когда он сделал это снова, а затем принес обе рыбы и разжег огонь, чтобы приготовить их.

«Форель, не мое любимое блюдо, но нищие не могут быть выборщиками». Эймон сказал, как будто это был какой-то частный япе, о котором знал только он.

«Горячая пища — это горячая еда Аетон, и прошло много времени с тех пор, как я съела форель», — сказала она, пытаясь показать, что она не разочарована в их еде.

Рыба получилась довольно вкусной, и к тому времени, когда она была приготовлена и они закончили ее есть, наступила ночь. Рейгал улетела одна и вернулась с едой для Вагара, которую ее дракон съел счастливо, и оба дракона теперь лежали не более чем в нескольких футах от них, их тепло добавляло тепла от огня. Они сидели в тишине в течение нескольких мгновений, Эймон казался почти потерянным в своем собственном маленьком мире, и она не знала, что сказать, чтобы нарушить это молчание, обнаружив, что ей это не нужно, когда Эймон начал говорить.

«Я вырос на Севере, вырос в Винтерфелле, и хотя я считал себя ублюдком, у меня была лучшая жизнь, чем у большинства». Эймон сказал, застав ее врасплох, что он вообще говорил: «Мой дядя был для большинства хорошим человеком, и я считал его самым лучшим, кого я когда-либо знал. Я провел большую часть своей ранней жизни, желая быть им, а затем остальную часть, убедившись, что я очень не такой. Наш дом не понравился на Севере отчасти потому, что Север помнит». Эймон сказал с мягкой улыбкой: «И отчасти из-за лжи, которой верили и которую мой дядя ничего не сделал, чтобы развеять. I....."»

— Эймон?

«Я не думал возвращаться, чтобы увидеть это снова. Я прошу тебя простить меня, если мои эмоции возьмут верх надо мной».

«Конечно, — сказала она, а затем тишина вернулась на этот раз нарушенная ею: «Ты много знаешь о нынешнем Севере? О Старках?»»

«Торрен Старк, король, который преклонил колени, и Брэндон Сноу, брат-ублюдок, который этого не сделает». — сказал Эймон, и она с любопытством посмотрела на него.

— Царь, который встал на колени?

«Во время завоевания Торрен возглавил армию из 30 000 человек и переправился через Шею в Речные земли, Эйгон повел свою собственную армию, чтобы встретиться с ним, и поэтому марш Торрена не был таким невидимым, как он надеялся, и вместо этого он нашел силу из 45 000 человек и трех драконов, ожидающих его». — сказал Эймон, и Висеня чуть не ахнула.

45 000 человек? Откуда они взяли такую силу, поинтересовалась она. В настоящее время у них было менее 5 человек, которых можно было призвать, и не все из них были солдатами или кавалеристами. Она собиралась задать вопрос, который пришел на ум, когда Эймон снова заговорил.

«Брат Торрена велел ему сражаться и даже разработал план убийства драконов». — сказал Эймон, и Висеня сердито поднялась на ноги.

«Я чертовски убью этого Брэндона Сноу своими руками! Где он сейчас? Ты знаешь его местонахождение?» — прорычала она.

«План был отвергнут, Висеня, Торрен был умнее своего брата, и он знал, что план Брэндона был глупостью. Но драконы не непобедимы, и мы должны говорить о них в отношении другого врага позже».

«Кто?» — спросила она, садясь обратно.

«Дорн». — сказала Эймон, и она посмотрела на него, чтобы увидеть, что он смотрит на нее, его темно-серые глаза почти выглядели черными в темноте ночи, и она почувствовала небольшое шевеление от того, как интенсивно он смотрел на нее.

К ее удивлению, после этого разговор превратился в более приятные вещи. Эймон рассказывал истории о том, как рос с двоюродными братьями и сестрами, но братьями и сестрами по собственному выбору. Он говорил о брате, которого он явно любил, и о сестре, что каждое слово, которое он говорил о ней, показывало, что она его любимица. Были и другие братья и еще одна сестра, и когда она надавила на него на остальных членов его семьи, она увидела в его чертах как радость, так и печаль.

«Моя дочь была моей гордостью и радостью, Висеня. Я знаю, что у отца не должно быть фаворитов, но я не буду лгать и называть ее по-другому. Не поймите меня неправильно, я тоже любила своего сына, и я не сомневаюсь, что он заставил бы меня гордиться, когда он рос, но с Лианной ей потребовалось мало времени, чтобы сделать это. Я никогда не чувствовала себя такой же довольной или полной, как когда я проводила время с ними обоими и их матерью, и я не понимала, что время должно быть мимолетным, иначе я бы провела еще больше своих дней рядом с ними». Аэмон сказал, поднявшись на ноги: «Я подвел их, подвел свою семью, и хотя это не второй шанс, о котором я мечтал, это все, что мне дали, и поэтому я не подведу наш Дом, как я сделал свой собственный».

Она думала о том, чтобы пойти к нему, когда он стоял один у реки, и в конце концов почувствовала это к лучшему, если она этого не сделала. Лежа на боку, она вскоре заснула, и когда она проснулась на следующее утро, это было от запаха рыбы, готовящей рыбу, и она оказалась завернутой в плащ Эймона. В холодное утро она держала его вокруг плеч немного дольше, чем ей было нужно, и, когда она ела, она вдыхала запах его и находила его приятным для своего носа. Когда они закончили есть, он предложил ей платье более тепло и сказал ей, что они придут на Север до наступления ночи, и когда она протянула ему плащ обратно, она почувствовала, как их пальцы коснулись, и это послало толчок через ее тело. Это было то, что Эймон явно чувствовал тоже.

Это сделало полет на север, который был потрачен больше на то, чтобы посмотреть на человека, летящего в нескольких футах от нее, чем на землю внизу, и каждый раз, когда она смотрела в его сторону, она была рада видеть, что он смотрит на нее. В какой момент холод обрушился на нее, она не могла сказать, но она знала, что они перешли из Речных земель на север из-за этого. Когда она смотрела свысока на сами земли, она делала это с прицелом на Завоевание, и некоторые вещи быстро становились ясными. Ни одна армия не прорвалась бы через Шею с юга, как ни одна армия никогда не делала до сих пор, и даже если бы им это удалось, это не было бы местом, где можно было бы хотеть сражений. Повернувшись, чтобы посмотреть на Эймона и снова увидев его взгляд на нее, она с нетерпением ждала ночи, чтобы прийти и снова провести ее наедине с ним.

Конец шторма.

Аргиллак Дуррандон.

Он сидел на своей солнечной батарее со своим мейстером и стюардом и просматривал цифры, карты и отчеты. Великая крепость в Харренхале была почти завершена, и он знал, что скоро Харрен посмотрит на земли, которые были под его защитой и проложили ближе всего к их границе, и он не был уверен, что у него есть силы остановить его, если он захочет их взять. Если бы он был на двадцать лет моложе и так же здоров, как и тогда, не говоря уже о том, чтобы не бояться.

Поворачиваясь от одной проблемы к другой, он прочитал записку и посмотрел на Мейстера Отара, держа ее в руке, как будто он задавал ему вопрос без слов. Простой кивок от Мейстера был всем, что ему было нужно, и он сделал все возможное, чтобы не дать своему беспокойству проявиться, положив его обратно на стол и еще раз взглянув на карту. Откуда взялся этот другой дракон, он не знал, и это вызвало у него серьезное беспокойство. Это сделало союз, к которому он стремился с Эйгоном Таргариеном, еще более важным, и все же он не получил ответа на свое предложение.

Враги к северу от него не были чем-то новым, и он сражался и избивал любого, кто осмеливался угрожать его землям раньше. Он убил короля своими руками в битве при Саммерфилде, и если бы он все еще был таким человеком сегодня, то он бы поддержал себя, чтобы быть соперником Харрена или любого, кто стремился взять то, что было его. Проблема заключалась в том, что он больше не был тем человеком, и у него не было собственного сына, который был бы этим человеком для него. Он был стар, устал, и борьба, которую он когда-то имел, давно ушла из него. Если бы не Аргелла и его собственная проклятая гордость, то он даже не стремился бы сражаться вообще, но он не оставил бы свою дочь незащищенной и уж точно не позволил бы ей стать жертвой жадности и похоти Харрена.

«Это номер, к которому мы можем обратиться?» — спросил он Тео, своего управляющего.

«Это наша полная сила, Твоя благодать».

«И как быстро они могут быть подготовлены?»

«Чтобы встретиться и быть готовым к маршу, луна может быть больше, но, конечно, вы этого не сделаете...»

Он успокоил Тео взглядом, а затем предложил ему и мейстеру оставить его. Аргиллак чуть не рухнул на свое место, как только они покинули комнату. Казалось, что на его плечах лежит тяжесть мира, и ему было стыдно признать, что ему нужна помощь, чтобы противостоять шторму, который, как он знал, назревал вокруг него. Если бы не это, то он бы никогда не предложил и даже не одобрил бы разрешение своей дочери стать третьей женой человека, которого он не уважал. Если бы у Эйгона Таргариена не было трех, нет четырех драконов, которых можно было бы призвать, то он все равно не стал бы.

Выпив бокал подогретого летнего вина, он сделал все возможное, чтобы убрать из головы мысли о надвигающейся гибели, и направился в Большой зал на ночные празднества. Увидев свою дочь, когда он вошел в комнату, он отдышался, как это иногда случалось, Аргелла с каждым днем все больше и больше походила на свою мать, и он обнаружил, что желает, чтобы она была здесь, чтобы предложить ему мудрость и совет, в которых он так остро нуждался.

«Отец, ты выглядишь уставшим». Аргелла сказала, когда он занял свое место рядом с ней, наклонился вперед и поцеловал ее в лоб, прежде чем сказать ей, что он здоров. Ложь легко приходила к нему, как и многие в последнее время.

Он обнаружил, что наслаждается ночью, менестрели были в лучшей форме, чем обычно, разговор тек и вино легко опускалось. Это было настолько интересно, что это позволило ему кратко отдохнуть от забот, которые беспокоили его, и он пошел в свою постель в ту ночь в гораздо лучшем настроении, чем то, в котором он был, когда он поднялся из нее в то утро. Даже его сон не беспокоился, и он мечтал о давно минувших днях, когда он был гораздо более молодым человеком и все еще принцем, и мир выглядел в его глазах совсем иначе, чем сейчас.

Проснувшись на следующее утро, он оделся и нарушил свой пост и снова почувствовал, что

груз на его плечах был несколько снят. Настолько, что Тео, Отар и Аргелла прокомментировали, что он выглядел в гораздо более справедливом настроении, и он провел раннюю часть дня, издеваясь с некоторыми из своих охранников, когда он шел по стенам Штормового Конца и смотрел на свои драгоценные Штормовые земли под ним. Именно так он и увидел приближение гонщика. Мужчина не носил сцигала или не носил флага, и все же Аргиллак был уверен в том, кем он был, задолго до того, как сам человек подтвердил это. Эйгон послал свой ответ, и он почувствовал, что его ожидание начало нарастать, когда он направился в Большой зал, чтобы узнать, что это за ответ.

«Твой господин осмелился послать тебя ко мне с этим?» — сказал он, поднявшись со своего трона через час: «Он осмелился оскорбить меня таким образом, он подпрыгивающий дракон с маленькими землями, чтобы назвать свои собственные, и несколькими людьми, которых можно призвать».

— Отец?

«Твоя благодать, Твоя благодать».

«Мой король, пожалуйста, пересмотрите..»

Голоса были едва слышны им, таков был гнев, который наполнил его сердце. Его меч уже был в желудке человека, который принес послание до того, как кто-либо смог остановить его, и он впервые почувствовал себя на лунах, снова мощным. Человеку потребовалось всего несколько мгновений, чтобы умереть, и именно в эти моменты ему пришла в голову эта идея, и Аргиллак почти громко рассмеялся, отдав приказ убрать руки этого человека.

Он рассмеялся, когда выписал записку, положил руки в корзину и призвал дюжину своих охранников увидеть, как она доставлена в Драконий камень. Явная наглость этого валирийского дурака осмелиться предложить ему ублюдка для его истинной дочери, чтобы даже осмелиться предположить, что это было то, что он примет. Старый и уставший он может быть, но у него все еще была своя гордость и одна хорошая борьба, оставшаяся в нем. Аргиллак думал, что бой будет против короля Харрена, теперь он был уверен, что это будет против Эйгона Таргариена, и поэтому, когда он попросил Отара отправить воронов, он приготовился к предстоящей битве.

«Это единственные руки, которые вы получите», — сказал он с ухмылкой, представляя себе лицо Эйгона, когда смотрел на свое послание.

Позже той же ночью он проснулся от страшного сна. Ужасные изображения драконов, обрушивающих огонь на камень, и он просто тает и извивается, заполняя его голову. О большом шторме, пришедшем и смывшем его в море, и о небе над Концом Бури, которое освещалось, когда драконы приходили пировать. Сколько времени ему потребовалось, чтобы перестать трястись или успокоиться, он не знал, но он не спал до конца ночи и ни после. Одна и та же мысль постоянно проносилась в его голове и одни и те же слова произносились у него под носом.

«Что я сделал».

Север 3 г. до н.э.

Висеня.

Это было величественно, когда она увидела его первым, Великая стена простиралась так

далеко, насколько мог видеть глаз. Он возвышался выше, чем любая стена имела какое-либо право, и что он был сделан из ледяной нищенской веры. Они прошли над Винтерфеллом, и, как он сделал с озером и рекой в Речных землях, Эймон заставил Рейгала сделать круг хранения. Оттуда они перелетели через Север менее чем за день, и теперь, когда начала падать ночь, они, наконец, достигли Стены.

Часть ее хотела пролететь над ним, чтобы увидеть, как выглядят земли, лежащие по другую сторону от него, так как она не могла видеть их даже со спины Вхагара, но ее дракон, казалось, не хотел этого делать. Поэтому, когда Эймон предложила свою землю, Вагар принял решение за нее, и она оказалась у небольшого ручья с тем, что выглядело как старое каменное здание поблизости. Она поблагодарила своего дракона за полет и попросила ее покормить и отдохнуть, Вагар сделал это неохотно, когда Рейгал сделал то же самое.

«Мы должны попасть внутрь, ночи холодные возле Стены». — сказал Эймон, и она посмотрела на здание и обратно к Эймону, чтобы увидеть, как он кивает.

«Мы одни?» — спросила она.

— Ага.

Она наблюдала, как он собирал ветки и сломанные куски дерева, когда они шли, а затем, используя его плечо, чтобы открыть дверь того, что она теперь могла видеть, было каким-то небольшим коттеджем. Прежде чем она узнала об этом, он зажег огонь в очаге и попросил ее согреться, Висеня только заметила, насколько ей было холодно на самом деле, когда она почувствовала тепло огня на своих руках и лице. Когда он повернулся, чтобы выйти из комнаты, в которой они сидели, она с любопытством посмотрела на него.

«Я найду нам что-нибудь теплое, чтобы поесть», — сказал он, и она кивнула, повернувшись обратно к огню и позволив его теплу окутать ее.

Он вернулся в то, что казалось совсем не времени, кролики, которых он держал в руке, были только что убиты, и она смотрела, как он передвигался по коттеджу, как будто он был здесь много раз раньше. Она была ошеломлена, когда он достал большую кастрюлю и начал класть внутрь овощи, а затем он разрезал кролика, налил воду и положил кастрюлю на огонь, прежде чем сесть рядом с ней и наблюдать, как он готовится.

«Вы были здесь раньше?» — спросила она.

"Ага. Ночной Дозор использует это место для тех, кто не вернется к Стене и кто был к югу от нее. У них есть некоторые другие по другую сторону от него, и в худшую погоду это может означать разницу между жизнью и смертью. Я надеялся, что он будет здесь, но я не был уверен, так как никто, с кем я разговаривал, не мог вспомнить, как долго они использовали его».

«Ты долго служил?» — спросила она, и он покачал головой.

«Дни, недели, меньше, чем луна. Не хватило времени, чтобы поклясться в моих клятвах благодарить старых богов». — сказал Эймон, качая головой.

«Твой дядя послал тебя к Стене?» — спросила она, все еще не зная, что на самом деле привело его туда.

«На самом деле он никогда не посылал меня. Я был воспитан улюбодком сыном благородного

лорда, и я чувствовал стыд, который приносил наиболее остро. Я хотел больше не чувствовать этого и получить некоторое чувство чести и для ублюдка, чего трудно достичь». Эймон сказал, глядя вдаль: «Есть большая честь служить в Ночном Дозоре. Старки управляли Стеной в течение тысяч лет. И ты Старк, у тебя может не быть моего имени, но у тебя есть моя кровь." Смех был горьким, и она посмотрела на него, чтобы увидеть гневное выражение его лица, как только он остановился.

— Эймон?

«Мой дядя, боги, я любил этого человека, но я чертовски ненавижу его тоже. Если бы он не... Когда они убили его, когда они взяли его голову после того, как назвали его предателем, они не понимали, как далеко зашла его измена и что заставило его признать это, я не знаю. Последние слова, которые он произнес, назвали меня истинной и, наконец, назвали мою мать своей сестрой, моего истинного отца — Рейгаром Таргариеном. К тому времени мне сказали об этом другие, мой двоюродный дед и человек, который был там в день моего рождения, но если бы он не говорил, я не знаю, поверили бы люди в это. Забавно, не правда ли». Эймон сказал, снова смеясь, этот смех более правдивый.

— Что это?

«Что человек, которого большинство считал чистым определением чести, верил во ложь, и даже после того, как он назвал эту ложь такой, какая она есть, ему затем поверили, когда он говорил правду», — сказал он, прежде чем она увидела странную улыбку, появившуюся на его лице, когда он говорил больше: «Мир трахает тебя так или иначе, Так что тебе лучше быть готовым к тому, что тебя трахнут, Джон Сноу, потому что ты красивее моих дочерей, и в лесу нет медведей, Хар...»

«Эймон?» — спросила она смущенно и увидела, как он покачал головой и двигался, чтобы достать несколько мисок, чтобы подать рагу для кролика.

Она думала, что он больше ничего не скажет, но когда он подал то, что оказалось одним из самых приятных и простых блюд, которые она когда-либо ела, он заговорил снова.

«Простите, я думал, что это место заставит меня потерять себя, и я был прав. Эти последние слова были сказаны человеком по имени Тормунд Гигантсбейн, моим другом, моим настоящим другом и человеком Свободного Народа, Дикими, как их могут называть люди, человеком, который был грубым, грубым, языческим дикарем, как его называли некоторые, и человеком, который был более благородным, чем любой человек, которого я когда-либо знал». — сказал Эймон.

«Может быть, мы должны говорить о других вещах?» — спросила она, и он кивнул, хотя довольно скоро он снова нахмурился, когда она спросила его о будущем, ее, Эйгона и Рейниса.

«Я сказал тебе, что драконы не непобедимы, что они могут упасть?» — спросил он, и она кивнула: «В мое время они пали на существо злобы и магии, Король Ночи использовал падшие средства, чтобы сбить их, и один за другим падали драконы моей тети, только Рейгал и я не были допущены по какой-то неизвестной причине. Через чуть более ста лет наша семья превратится в самых больших убийц драконов из всех, мы будем сражаться между собой, друг против друга, и к тому времени, когда мы закончим, эпоха драконов закончится и не будет видна снова в течение ста пятидесяти лет».

«Почему? Зачем нам делать что-то такое невероятно глупое?» — недоверчиво спросила она.

Отчасти из-за влияния других, Домов, Мейстеров, Веры, иногда наш Дом становится жертвой каждого, главным образом из-за амбиций и высокомерия. Танец драконов начинается потому, что король осмелился назвать дочь сыном, а сын и его мать отказались принять ее и стремились узурпировать ее и занять трон для себя. О, это сложнее, чем это, но одна вещь, которая должна быть ясной, когда Эйгон займет свой трон, правильно, если прав и первенец ребенок, а не первенец, - это тот, кто должен править, когда их отец падает». — твердо сказал Эймон.

«Я увижу, что это сделано. У тебя есть мое слово об этом, Эймон, я увижу, что это сделано», — сказала она, и она была удивлена, когда он покачал головой и посмотрел на нее.

«Все начинается с тебя, Висеня. Борьба за преемственность и все, что приходит после нее. Все начинается с тебя». — сказал Эймон с сожалением.

Север 3 г. до н.э.

Эмон.

Звук лошадей остановил любой дальнейший разговор, Висеня сердито посмотрела на него, и она имела право дать слова, которые он только что произнес. Он поднялся на ноги и задул свечи, хотя это мало что могло сделать, чтобы скрыть их присутствие, и дым, который шел из дымохода, без сомнения, приводил к ним тех, кто был снаружи. Подойдя к окну, он выглянул и надеялся, что это черные братья, а не кто-то другой, и проклял, когда увидел, что это были северные люди.

Если бы это были люди Вахты, то он мог бы расплатиться с ними за припасы, которые они взяли. Глядя на мужчин, он называл их умберами или людьми Гловера, как они могли бы быть из любого из ближайших хранилищ. Коттедж, в котором они находились, был ближе всего к Найтфорту, так как по какой-то причине он чувствовал, что Призрак находится к северу от Стены, и именно там он пересечет его. Белый волк знал секретный вход туда так же, как и любой брат Ночного Дозора.

В каком-то смысле он был рад прерыванию, история, которую он собирался рассказать Висенье, была той, которая, как он знал, причинит ей боль, и все же той, которую нужно было рассказать. В его Доме было много ужасных правителей, немногие нанесли столько вреда, сколько Могор, и если бы он мог помешать ему подняться, это само по себе изменило бы многое. Он видел, что с Верой разобрались задолго до того, как ей понадобился Мэгор, чтобы встретиться с Воинствующей Верой или Сынами Воина. Как он это увидит, он еще не решил, но они, мейстеры и те, кто будет преклонять колени и играть их фальшиво, будут иметь дело с ним до того, как он закончит.

«Ты подожди здесь, я буду говорить их», — сказал он, повернувшись к Висене, которая покачала головой: «Я смотрю и звуча по-северному, ты очень не слышна», — добавил он с улыбкой, которая, казалось, расслабляла ее маленькую, и он заметил, как ее рука пошла к Темной Сестре, и она двинулась к окну, чтобы выглянуть, когда он вошел в дверь.

Там было семь человек, все на коне, и он быстро увидел, что они действительно были Умбером, один из них явно сам Умбер, учитывая размер человека. Когда они увидели его, он был рад, что его плащ прикрывал его собственный сигил и что он выглядел таким же северным, как и он, и когда они слышали его речь, он увидел, что они несколько расслабились.

«Есть ли какая-то проблема?» — спросил он своего северного заусенца еще более выраженным.

«Этот коттедж принадлежит Вахте, вы можете носить черного парня, но вы не черный брат», — сказал Умбер.

«Нет. Просто путешественник, проходящий мимо, который искал убежища на ночь. - сказал он, взяв мешочек своего бедра и потрепав его так, чтобы казалось, что это были монеты, а не то, что он действительно нес внутри: «Но я собирался заплатить за то, что я использовал, и кроме овощей и огня, который я сделал сам, Я не принял ничего, что не было моим собственным».

«Вы все еще взяли у вахтенного парня, вам нужно будет поехать с нами, чтобы отчитаться за это перед лордом-командиром».

«Конечно, это не обязательно, Господи...»

«Умбер, Берик Умбер, а ты?» — спросил крупный человек, не оставив сомнений в том, что ответ не просто требовался, а требовался.

«Джон Сноу, мой господин».

«Ублюдок, где ублюдок твоей лошади... Подожди, кто это там, в доме, выйди туда, где тебя можно увидеть, чтобы мне не пришлось вытаскивать тебя».

Он почувствовал его, белый волк быстро двигался к нему, Призрак почувствовал, что он в опасности, и он был таким, каким он был, когда другие люди с лордом Бериком Умбером все двигали руками к своему оружию, и Эмон был рад видеть, что среди них не было луков. Он услышал их вздохи, когда они увидели Висенью, когда она выходила из коттеджа, ее серебристые волосы и эфирные взгляды привлекали взгляд, и он знал тогда, что они не просто пройдут как два путешественника ночью.

«Я бы сказал вашим людям, чтобы они отвели руки от своего оружия Лорд Умбер, иначе я не могу нести ответственность за то, что произойдет дальше», — сказал он, увидев очертания Призрака вдали.

«Я не принимаю никаких приказов от тебя, мальчик, а что касается нее, то она не женщина Севера».

Он протянул руку, чтобы помешать Висенье двигаться вперед и объявить, кем она была на самом деле. Дракон в ней требовал, чтобы к ней относились с уважением, и ее презрение к опасности, в которой они находились, было чем-то, чем можно восхищаться и очень не восхищаться. Когда один из мужчин достал свой меч, его собственный и Висеня вскоре последовали за ним, и он увидел теперь обеспокоенные взгляды, которые люди, стоящие за Бериком Умбером, давали им. Увидеть валирийскую сталь обнаженной было редкостью, увидеть не один, а два меча, сделанных из нее, еще реже, и он услышал шепот, когда собственный клинок Висени был признан.

"Ты..."

«Брось оружие твое, господин мой, обшивай его, иначе я не смогу...»

Белое пятно врезалось в двух лошадей сзади, и мужчины полетели со спины на землю. Три другие лошади поднялись и бросили своих всадников, как только они увидели, что это было, они могли бы только пахнуть до тех пор. Когда последние двое мужчин, Берик и еще один, двигались за луками, которые у них были на лошадях, сам Эймон двигался. Он нокаутировал первого, когда тащил его с лошади, рукоять Длинного Когтя врезалась ему в голову и оставила

только одного победителя.

Берич, он вытащил из лошади и прижал Длинный коготь к своей шее, когда Призрак двинулся, чтобы встать рядом с Висеней и предложить ей защиту волка.

«Скажи своим людям, чтобы они бросили оружие, мой господин, я действительно имею в виду, что ты не болен, и все же, если ты заставишь меня, то я или мой волк покончу с тобой здесь и сейчас».

«Твой волк... твой волк, это...

«Да, Ужасный волк, мой господин, сделай так, как я говорю, и ты и твои люди выедем отсюда и будем жить, чтобы рассказать историю за элем», — сказал он, и Берик кивнул.

«Брось оружие, белый волк означает, что мы не причиним вреда». — крикнул Берик.

"Мой господин..."

«Делай, как я чертовски говорю, иначе никто из нас не увидит завтра».

Будь то паника в голосе лорда Берика, тот факт, что Эймон может покончить с ним в одно мгновение, если кто-то пошевелится, или рычащее лицо Призрака, слова были услышаны, и люди бросили свое оружие и отошли от них и нескольких лошадей, которые не зацепились. Кивнув Висенью, он наблюдал, как она и Призрак подошли к оружию и подняли его, положив в аккуратную кучу рядом с ней, когда он затем отошел от лорда Берика.

«Я приехал сюда только для того, чтобы воссоединиться с моим другом, лордом Бериком. Белый волк — моя единственная причина быть здесь», — сказал он, когда Берик посмотрел на Висенью, а затем на него, наконец, увидев сгил, который он носил и который идентифицировал его как того, кем он был.

«Ты дракон, а не волк, вы оба». Берик сказал, и Эймон кивнул.

«Да, я дракон, но тогда я был волком, и в моих жилах есть Волчья Кровь. Когда вы разговариваете с королем Торреном и Брэнденом Сноу, скажите им, что вы встретили волка, который такой же, как и они», — сказал он, глядя мех призрака и чувствуя, как белый волк кистит против него: «Ты, положи оружие в лошадь и дай ей пощечину по заднице».

«Ты оставишь нас безоружными?» — спросил Берич.

«Нет никакой опасности для вас или ваших людей на многие мили вокруг, вы найдете лошадь у ручья в миле или около того к югу, он будет ждать вас там. Я прощаюсь с вами, лорд Берик, я надеюсь, что если мы встретимся снова, вы вспомните, что мы позволили вам уйти невредимыми. В конце концов, Север помнит», — сказал он, когда он, Призрак, и Висеня переехали и начали идти от коттеджа к северу.

Он мог видеть улыбку, которую носила Висеня, и то, как она продолжала смотреть на Призрака, как будто он был каким-то мифическим существом, которым он действительно был. Эймон подождал, пока они не окажутся далеко от Берика и его людей, прежде чем остановиться, чтобы представить их по-настоящему, и он позвал Рейгала, зная, что Зеленый Дракон был с Вхагаром и что он хотел бы увидеть белого волка так же, как и сам Эймон.

«Призрак, это Висеня Таргариен, Висеня, это Призрак, вместе с Рейгалом, моим самым верным

компаньоном», — сказал он, когда белый волк лизнул руку, а затем двинулся, чтобы сделать то же самое с Висеньей.

Звук ее смеха принес ему воспоминания о другом времени и другом месте, Эймон боялся закрыть глаза на случай, если он увидит Маргери, стоящую там, и был перенесен обратно к ее первой встрече с белым волком. Когда он услышал, как приземляются драконы и трель Рейгала, чтобы увидеть там Призрака, он посмотрел на Висенью, и в самый короткий момент ее глаза были золотисто-коричневыми, а ее волосы больше не серебристыми. Если бы у нее была однобокая улыбка на лице, то он бы смотрел на свою жену, и он почувствовал волнение в своем сердце не только для Маргери, но и для женщины перед ним.

<http://tl.rulate.ru/book/85872/2746782>